

предшествующего исторического развития «Мы».

2. Сегодня «стены» между Людьми не материальные и не социальные, а духовно-ментальные - воздвигаемые каждым «Я» не только на фундаменте базисных принципов социоантропной мироориентации «Свой-Чужой», «Свое-Чужое» и «Моё-не Моё». Самоидентификация «Я» лишь начинается с «самоустановления»: «кто-Я», «чей-Я» (кто «Свой» и кто «Чужой?»), «кто-Мы» (откуда и почему «Мы?») и «кто-Другие» (откуда и почему «Другие?»).
3. Непрерывная оценка каждым «Я» своего внешнего - «Моё-не Моё» - вторична, но она также весьма существенна для каждого «Я». Поэтому её основание сложнокомплексное: в нём исходная «самоустановка-Я», исторические традиции и устои «Мы», а также текущие предпочтения и наличный опыт «Я».
4. *Цивилизационная самоидентификация «Я», бесспорно, ещё более глубинна*: ведь отказ «Я» от своих духовно-исторических корней - это, безусловно, отказ «Я» от Личного Прошлого и проблема поиска «Сембя» в Настоящем («Своего-Нового-Духовного-Мира»). Поэтому исходная цивилизационная самоидентификация каждого «Я» - самовхождением в «Родственное-Большое-Историческое-Мы», принятием его «как есть» и «защитой» его «устоев» как «Своих» - вполне закономерна и объективна.
5. Последовательный переход нынешнего «цивилизационного процесса» из фазы «противостояния цивилизаций» в фазу «сотрудничества цивилизаций» и далее в фазу Единения Цивилизаций представляется возможным и должным. Стародавний совет Ж.А.Кондорсе - народам нужно искать безопасности, а не могущества (7, с.248) — как-будто для Нашего Времени. Бытие Человечества изначально формировалось и сформировалось как «полицивилизационное», поэтому и «глобальная стратегия» в Единении Человечества должна быть соответственной - «полицивилизационной» (5, с. 16-17).
6. Исходя из этого, бесспорным приоритетом в «стандарте современной цивилизации» следует считать не «устранение Других», а «упорядочение Всех» - как отражение уже сложившегося - многообразия Цивилизационных Единений Людей, изначально служивших и служащих одной и той же цели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В цепи последовательных планетарных Креаций - «Человека», «Бытия Человека», «Единений Людей» и «Единства Людей» - не завершена лишь последняя. В Настоящем и в ближайшем Будущем главным препятствием к историческому Единению Людей в Человечество останется Духовное. Придать ныне параллельным Цивилизационным Единениям Людей системную направленность - к Планетарному Единению Людей - могли бы цель, идея и модель такого Единения. Естественно, модель реалистичная и комбинаторная: а) учитывающая уже сложившееся, устоявшееся и весьма критичное к «духовным новациям»; б) показывающая путь к отказу от Духовных Стен, подразделяющих Человечество на Части; в) гарантирующая свободу и развитие ныне ими защищаемого - многообразия видов Единений Людей.

Использованные источники:

1. Чудомех В.Н. Целостность живого в контексте современного естествознания (онтологические аспекты). Рукопись. Кандидатская диссертация. -Симферополь: ТНУ им. В.И.Вернадского, 2003.
2. Чудомех В.Н. Ранний Ангроноеоптпенез: анализ представлении истоков " Культура народов Причерноморья. -№ 68. -С. 179-185. -Симферополь: ТНУ им. В.И.Вернадского, Межвузовский центр «Крым», 2005.
3. Чудомех В.Н. Убежищестроительная гипотеза Раннего Антропосоциогенеза: за и против // Культура народов Причерноморья. - № 73.. -С.221- 225. -Симферополь: ТНУ им. В.И.Вернадского, Межвузовский центр «Крым», 2006.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. Сборник переводов. -М.: Прогресс, 1988.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. -М.: АСТ, 2005.
6. Печчеи А. Человеческие качества. Изд. 2-е. -М.: Прогресс, 1985.
7. Кондорсе Ж.Л. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936.

Эмирусейнова Э.Н.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АТРИБУТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ N + N (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ) КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

“В основе каждого языка лежит, как бы определенный чертеж, свой особый! Этот тип или чертеж, или “структурный гений” языка, есть нечто онтологическое, нечто гораздо глубже проникающее, чем та или другая черта нами в нем обнаруженная” Э.Сепир. Э.Сепир справедливо отмечает то обстоятельство, что это “определенный чертеж” “структурный гений” лежит в основе каждого языка, составляет его фундаментальную сущность.[13]

В структуре определенного языка, наряду с моделями, с формами данного языка встречаются модели структурно относящиеся к совершенно другим типам. Язык может быть и одновременно агглютинативным и флективным, аналитическим и изолирующим. [16]

Английский язык, определяемый обычно, как язык аналитический, характеризуется как таковой по синтаксическим признакам. Отношение между словами не выражено в самих словах, здесь мы видим ярко выраженную изоляцию. Чем выше изоляция, тем выше аналитичность языка. Аналитизм в английском языке

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
АТРИБУТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ N + N (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ)
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

выступает как типологическая закономерность синтаксического уровня. В аналитическом языке первенствующее значение выпадает предложению. Отношение между словами в предложении могут выражаться в форме самих слов, а не в морфологических изменениях этих слов. [16]

В тюркских языках основная типологическая закономерность синтаксического строя находит свою довольно своеобразную аналогию в морфологической структуре отдельного слова, это в основном языки агглютинативные. [15],[9]

Основной принцип тюркского предложения принцип конкретизации главного понятия второстепенным. Определение конкретизирует определяемое (*дюльбер кыз*), (*fine girl*) (англ. яз.), дополнение дополняемое (*оджамны корьдим*) (*I see my teacher*). В морфологической структуре слова наблюдается тот же принцип, в обратном порядке следования элементов слова: наращению аффиксов к корню-носителю основного лексического значения идет по линии от более общего, более абстрактного к более конкретному, более частному. В крымскотатарском языке слово *сокъакъымызда* – первым к основе прибавляется аффикс, указывающий на категорию широкого максимального объема – притяжательный аффикс, затем идет аффикс более узкого объема - аффикс множественного числа, аффикс падежа (*in our street* англ. яз., *на нашей улице* (рус. яз.)). [15]

Язык – это идеальная система, и в языке все уровни и фонетический, и морфологический и лексический тесно связаны, явление сингармонизма в морфологическом строе тюркских языков, гласные аффиксы уподобляются гласным корня; губные, негубные; *козюм* (*tu eye* (англ. яз.)), *къашым* (*tu eye brow* (англ. яз.)). Различия в строе языков не могут быть объяснены, только лишь фактом их разного происхождения, в языках генетически общих имеется довольно много различных черт. А языки разного происхождения объединяются совершенно сходными типологическими общими чертами. Общеизвестны расхождения в строе близкородственных языков, таких как немецкий и английский (система падежей, род существительный, склонение артикля)! И полная общность именных атрибутивных моделей английского и крымскотатарского языков. Можно объединить различные состояния одного и того же языка или схожее состояние двух, различных языков, причем языков расположенных по соседству, так и на далеком расстоянии, как родственных, так и имеющих различное происхождение. Как схожие социальные, экономические и религиозные установления выросли на разных концах мира из различных исторических источников, так и языки, идя разными путями, обнаруживали тенденцию совпасть в схожих формах.

Ядром любого национального языка является, как известно, фразеология – совокупность устойчивых оборотов, имеющих целостное значение, а также эмоционально-экспрессивную окраску. Фразеология является тем объективным зеркалом, в котором отражается менталитет народа, его история, культура и повседневная жизнь. Значимость фразеологических единиц очень велика в процессах языковой коммуникации, как особого вида человеческой деятельности: являлась пропозитивным ядром высказывания, фразеологические единицы идиоматического характера не только передают большой объем информации, но и одновременно выражают интеллектуальную и эмоциональную оценку говорящего о предмете речи. Познание окружающего мира осуществляется также в речевой деятельности и всегда эмоционально окрашена, без эмоций нет человеческого познания. Особую роль в актах коммуникации имеют фразеологические единицы, способные передавать эмоции субъекта речи и тем самым воздействовать на интеллектуальной и эмоциональное состояние адресата речи.

Нами исследуются соматические фразеологизмы, которые имеют яркую эмоциональную окраску и присутствуют во многих языках

Целью данного исследования семантического содержания английской соматической фразеологической модели N+N, noun+noun, существительное+существительное является – установить имеет ли атрибутивная конструкция N+N свое семантическое соответствие в крымскотатарском языке, несмотря на структурное различие этих языков.

Изучение закономерностей сочетаемости слов, важно для понимания системы языка. В каждом языке слова соединяются на основании присущих данному языку правил, которые необходимо знать для практического владения языком. Между компонентами словосочетания существуют различные синтаксические отношения, которые в разных языках выявляются специфическими средствами.

При чтении современной английской и американской литературы обращает на себя внимание широкое использование атрибутивных словосочетаний, построенных по модели N+N, существительное+существительное, в которых функцию определения выполняет препозитивное существительное, прилегающее к следующему существительному. Английский язык по своей структуре язык аналитического типа, где для связи слов в сочетаниях, в предложении широко используются предлоги и служебные слова. Для выражения атрибутивных отношений в английском языке, кроме контактного положения двух существительных в общем падеже используют предлог **of** и формат **'S**. Данный способ выражения сложных и разнообразных атрибутивных отношений в английском языке является спецификой этого языка и не встречается в других европейских языках, близких по грамматическому строю. [17]

В крымскотатарском языке с ярко выраженной агглютинативной типологией тоже существуют сопоставимые с этим синтаксическим явлением английского языка, известные в тюркологии под названием изафетных конструкций. Изафет в переводе с арабского “довесок, - добавка”. [6]

В крымскотатарском языке атрибутивные конструкции делятся на 3 изафета:

I-изафет. Синтаксическая связь основана только на примыкании, как в английском языке, компоненты грамматически не оформлены.

Фразеологизм *къабакъ баш – голова тыква* → *глупый человек*. *A silver tongue (англ.) – серебро язык* → *красноречивый человек* N+N.

II-изафет. Существительное+существительное с притяжательным аффиксом и, ы, у, ю. *Козь бебеги – зеница ока*. Этот изафет имеет семантическое соответствие атрибутивной конструкции английского языка с предлогом of – *an apple of an eye – зеница ока, зеркало души* N+N₂.

III-изафет характеризуется наличием морфологических показателей в обоих компонентах словосочетаний; 1-й компонент принимает форму родительного падежа, 2-й – аффикс принадлежности.

Фразеологизм *агъзынынъ тесписи – излюбленная тема*.

Следовательно одной инвариантной структуре английской модели N+N соответствуют 3 структуры крымскотатарского языка

	N+N ₁	
Англ. языка	N+N → N+N ₂	крымскотатарского языка
	N+N ₃	

I. В первом изафете N+N определение обозначает

- а) название материала, меру, качество (*зеэр тиль – ядовитый язык, an oil togue – елейные речи*)
- б) характерную черту, название людей (*къабакъ баш – голова тыква – глупый человек; pudding face – бессмысленная, глупая физиономия*).

II. Во 2-м изафете N+N₂ определяемое конкретизируется

- а) по его постоянным связям с другими предметами *диль ярасы – обида, нанесённая словом*.
- б) по связи с одной из своих сторон, часть целого *козь дагъы – капля в море*.

III В 3-й форме определяемое конкретизируется по средствам показателей принадлежности, обозначающей :

- а) принадлежность предмета, предмету или лицу

бабасынынъ огълу – настоящий мужчина

анасынынъ козю – мамина любимица

- б) постоянную связь предмета: *агъзынынъ тесписи – излюбленная тема (постоянная)*

в) связь предмета с одной из своих сторон, *джигеримнинъ кошеси – глубоко в душе (о любимом человеке), къарынъ агърысы – боль, страдание*.

Анализируя семантическое содержание модели N+N английского языка можно выделить 13 групп свободных сочетаний, которые можно трансформировать при помощи различных предлогов для передачи атрибутивных отношений, но крымскотатарские словосочетания, как свободные, так и устойчивые (фразеологизмы) других форм не имеют кроме 3 изафетов: N+N₁, N+N₂, N+N₃. [1],[4],[10]

Английский язык	Трансформы	Крымскотатарский язык
1. the spring smell	A smell of the spring	Баарь къокъусы N+N ₂
2. a rest home	A home for rest	Раатланув эви N+N ₂
3. city life	Life in the city	Шеэр аяты N+N ₂
4. a butterfly collar	A collar like butterfly	Кобелек якъа N+N ₁
5. x-ray treatment	Treatment by means of x-rey	Ренген девасы N+N ₂
6. a telegram message	Message by telegram	Телеграмма хабери N+N ₂
7. a border town	A town near border	Чегере шеэри N+N ₂
8. London train	A train to London	Лондон поезди N+N ₂
9. diamond clips	Clips with diamond	Эльмаз сыргъа N+N ₁
10. Bernard college	A college named after Bernard	Бернарднынъ коледжи
11. a bamboo table	A table made of bamboo	Бамбук тахтасы N+N ₂
12. an expert philologist	A philologist begin an expert	Эксперт филолог N+N ₃
13. dance tunes	Tunes to dance	Оюн авасы N+N ₂

Однако, исследуя устойчивые сочетания – фразеологизмы атрибутивной конструкции, мы обнаружили, что семантический вариант N+of+N в английском языке и изафет II N+N₂ в крымскотатарском языке наиболее часто встречаются. Мы исследовали 1000 английских фразеологизмов и 450 крымскотатарских и эти атрибутивные конструкции схожи своим семантическим значениям.

1. Предмет и его владелец *Bull's eye – глаз быка* → *яблоко мишени, арап къызынынъ сачы – волосы арапки* → *беспорядок* N+N₃

2. Часть целого.

The apple of an eye – козюмнинъ бебеги N+N₃ → *зерница ока*.

3. Пространственные отношения .

Daughter of soul – дочь природы

Гонъюль тарлыгъы – беспокойство, нет простора душе N+N₂.

4. Временные отношения.

Brain wave – внезапное вдохновение

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
АТРИБУТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ N + N (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ)
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Агъызынынътеспеси – излюбленная тема N+N₃/

5. Личностные отношения.

Heart of Flint – жестокость

Алланынъ эври – воля бога N+N₃

6. Принадлежность к одной семье, к одной группе.

Mother's boy – маленький сынок

Бабасынынъ огълу – настоящий мужчина N+N₃

Если мы рассмотрим в английском языке соматические фразеологизмы, наблюдается очень большое количество с предлогом *of*: [8],[5]

I. *Smell of the baby, the eye of day, a heart of stone, a heart of gold, a tune to dance, a heart of oak* и

т.д.

II. Следующие по количеству N+N существительное + существительное:

a honey tongue, an oil tongue, a sharp tongue.

Good Friday face, fish eye.

III. Самая малочисленная группа с 'S формантой : *mother's boy, devil's limb – исчадие ада, crow's feet – морщинки.*

В крымскотатарском языке, при рассмотрении соматических фразеологизмов атрибутивной конструкции, мы наблюдаем большое количество модели N+N₂, которые схожи с английскими моделями с предлогом *of*: [2],[3],[11], [12].

гонъюль эгленджиси,

гонъюль котеринклиги – душевное вдохновение, радость души;

виждан азабы – мучение совести;

баши агъысы – страдание;

джан дамары – уязвимое место;

козь бебегу – зеница ока – an apple of an eye.

II. Следующая по количеству модель N+N₁

къабакъ баши – глупый

иши къартон – гиблое дело

зеэр тиль – злой (ядовитый язык)

III. Группа фразеологизмов модели N+N₃ – изафет 3 : *джигеримнинъ кошеси, бабасынынъ оглу.*

В крымскотатарских фразеологизмах определение конкретизирует определяемое, т.е. зависимое конкретизирует семантически главное слово. N+N₂ *джан аджысы – душевная обида. Душевная – джан конкретизирует обида – аджысы, N+N₂ виждан азабы – мучение совести. Виждан – совесть конкретизирует азабы – мучение* и так же во всех изафетах N+N; *къабакъ баши, баши* – главное слово, *къабакъ – тыква – глупый* его конкретизирует. В изафетах N+N₃ *бабасынынъ огълу – бабасынынъ* конкретизирует *огълу – сын отца* → фразеологическое значение – *настоящий мужчина.*

Главное слово выражает грамматическое значение – функцию фразеологизма, в данном случае, субстантивную. Зависимое слово передаёт основное значение фразеологизма, является его семантическим ядром.

В английском языке во фразеологизмах N+N: *an evil eye, a silver tongue* и во фразеологизмах с формантой 'S : *bull's eye, gold's blood* главный член несёт грамматическое значение существительного, а зависимый член передаёт основное значение фразеологизма, является ядром фразеологизма. Английские фразеологические единицы с предлогом *of* имеют главный член перед зависимым *the smell of the baby – бала къокъусы N+N₂, a heart of stone – таши юрек, a heart of a gold – алтын юрек.*

1. Если первому компоненту модели N+of+N в английском языке предшествует определённый артикль, то такие атрибутивные отношения выражаются в основном изафетом III, когда речь идёт о фактической принадлежности предмету или лицу, обладающему определённым признаком или относящемуся к определённой группе.

The Mother's boy

бабасынынъ огълу N+N₃

2. Если же первому компоненту фразеологических сочетаний предшествует неопределённый артикль или нулевой, то в крымскотатарском языке используется изафет II

An apple of an eye – козь бебегу.

Таким образом сопоставительный анализ атрибутивной модели фразеологизмов N+N₁, N+N₂, N+N₃ английского и крымскотатарского языков установил их полное семантическое сходство при существенных структурных расхождениях.

По семантике соматических фразеологических единиц атрибутивной конструкции прослеживаются культурные различия двух народов:

Консерватизм, благополучие англичан, не знавших войн и угнетения.

Если проследить фразеологизмы крымских татар, здесь мы можем видеть покорность, угнетение, тяжкий труд, уважение старших, каноны мусульманской религии.

Источники и литература

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка.-М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.-305 с.
2. Абдулаев, Э. Русско-крымскотатарский словарь.-Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 1994.-220 с.
3. Баскаков, А.Н. Турецко-русский словарь.-М.: Издательство "Русский язык", 1977.-295с.
4. Виноградов В.В. Тюркские языки. Т. II.-М.: Наука, 1966.-310 с.
5. Гуревич В.В., Дозолов Ж.А. Фразеологический русско-английский словарь.-М.: Владос, 1995.-583 с.
6. Жирмунский В.М. Лингвистическая типология и восточные языки.-М.: Наука, 1965.-164 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка.-М.: Высшая школа, 1986.-134 с.
8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.-М.: Высшая школа, 1967.-250 с.
9. Кацнельсон С.Д. Основные задачи лингвистической типологии.-М.: Высшая школа, 1965.-206 с.
10. Медведева Л.М. English grammar in proverbs, sayings, idioms and quotations.-Киев: Высшая школа, 1990.-170 с.
11. Мустафаев Э.М. Щербин В.Г. Русско-турецкий словарь.-М.: Советская энциклопедия, 1972.-1028 с.
12. Мустафаев Э.М. Старостова А.Н. Турецко-русский словарь.-М.: Русский язык, 1977.-966 с.
13. Сепир Э. Язык.-М.: Высшая школа, 1994.-142 с.
14. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка.-М.: Высшая школа, 1957.-188 с.
15. Суник О.П. Вопросы типологии агглютивных языков. Морфологическая типология и проблема классификации языков.-М.: Высшая школа, 1965.-134 с.
16. Солнцев Н.В. Аналитические конструкции в языках различных типов.-М.: Наука, 1965.-201 с.
17. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка.-М.: Наука, 1961.-162 с.

Царенко Н.В., Дьяков И.М.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕКРЕАЦИОННОЙ ЕМКОСТИ КУРОРТНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Увеличение количества рекреантов санаторно-курортного комплекса региона, как правило, способствует его экономическому развитию и приносит дополнительную прибыль субъектам хозяйственной деятельности. Вместе с тем увеличение рекреантов на ограниченной территории не может быть безграничным. Следует вспомнить значительную рекреационную нагрузку на Южный берег Крыма в 70-90 г.г. прошлого века, ухудшавшую экономическую ситуацию в этом регионе в летнее время и требовавшую зачастую применение ограничительных мер по притоку рекреантов.

Превышение допустимой рекреационной нагрузки на территорию угрожает ее экономическому и экологическому состоянию и может рассматривать как один из основных видов угроз экономической безопасности курортного региона. Наибольшей опасностью является выведение территории из категории пригодных для курортного и рекреационного использования, что влечет за собой значительные затраты на восстановление окружающей среды. Другой стороной подобной деградации природной среды является потеря имиджа территории как рекреационной. Для его восстановления требуются не только значительные затраты, но и определенное время.

Существующие исследования по изучению допустимой нагрузки на территорию, а именно максимального количества пребывающих на ней людей, при которой обеспечивается сохранение природных компонентов среды и ее культурно-исторических ценностей достаточно разнообразны. Известны работы В.В. Покшишевского, С.А. Ковалева, Б.Ц. Урланиса, Ю.Г. Саушкина, Р. Пенто, М. Гравитца, Е.Е. Слущкого, К.П. Космачева, К.М. Лосяковой [1], изучавших вопросы расселения населения под различными углами зрения. Работы таких авторов, как Э.Б. Алаев [5], Владимиров В.В. [4], Микулина Е.М., Яргина З.Н., Неверов А.В. [6] посвящены граничным факторам расселения. Различные аспекты понятия емкости природной среды изучали П.П. Семенов-Тянь-Шанский, С.М. Мягкова, Ф.Н. Рянский [9], Е.Г. Петрова [10], В.М. Разумовский [14]. В данных исследованиях не учтены многие аспекты, влияющие на рекреационную емкость территории. Среди них - сезонная миграция работоспособного населения, возможность изменения емкости территории с привлечением инвестиций и другие. Отсутствует методика оценки угрозы достижения рекреационной емкости той или иной территории и социально-экономический механизм предотвращения негативных последствий, связанных с этим фактором.

Цель статьи – исследовать развитие подходов к определению предельного числа рекреантов, которых можно разместить на рекреационной территории без ущерба для экономической, социальной и экологической среды. Определить актуальные направления исследования экономических аспектов обеспечения рекреационной емкости курортной территории с учетом современных тенденций развития рекреационного комплекса Украины.

В экономической и социальной географии широко используется такая характеристика расселения и размещения населения, его распределения по территории, как плотность населения. Известны показатели физической (традиционной), экономической, социальной, преобладающей, централизованной плотности населения, предложенные разными авторами – В.В. Покшишевским, С.А. Ковалевым, Б.Ц. Урланисом, Ю.Г. Саушкиным, Р. Пенто, М. Гравитц, Е.Е. Слущким, К.П. Космачевым, К.М. Лосяковой [1]. При этом величина плотности определяется некоторым количеством людей, отнесенных к площади какой-либо территории – экономически или хозяйственно освоенной, территории интенсивных социальных взаимоотношений, городской среде или сельской местности. Однако в этих исследованиях не рассмотрены вопросы сезонной мигра-